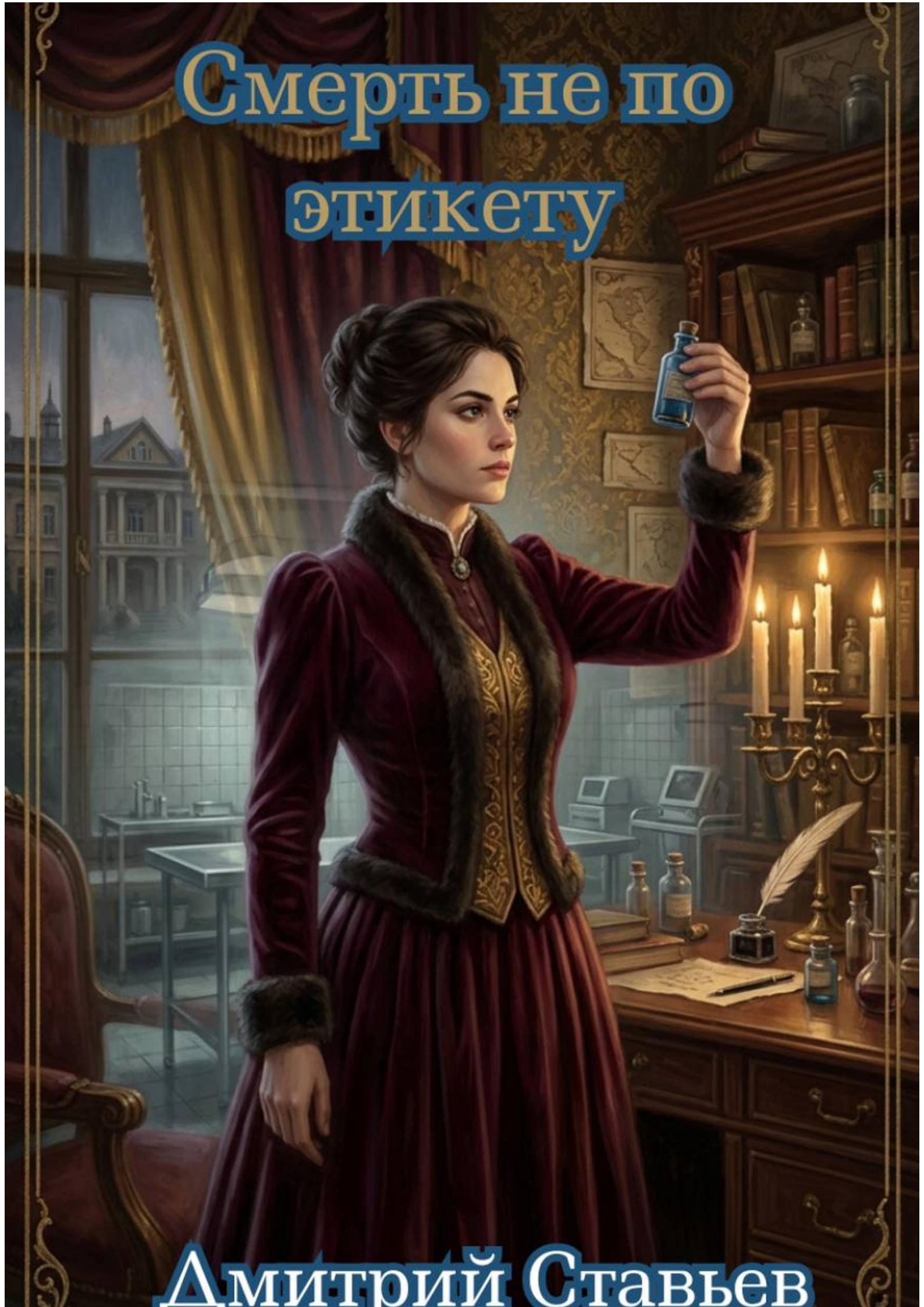

Смерть не по этикету

Дмитрий Ставьев

Дмитрий

Смерть не по этикету

«Автор»

2026

Дмитрий

Смерть не по этикету / Дмитрий — «Автор», 2026

Марина Решетова засыпает над третьим за смену вскрытием в прозекторской ХХІ века, а просыпается в теле бедной компаньонки в дворянской усадьбе 1899 года, ровно в то утро, когда хозяйку дома находят мёртвой. Все вокруг уверены: сердце подвело, немолода уже была. Марина же чувствует в остывшем чае горький миндаль — и точно знает, что это не сердце. Беда в том, что в 1899 году компаньонке не полагается разбираться в цианидах, задавать доктору неудобные вопросы или ползать по клумбам в поисках улики. Приходится расследовать убийство одновременно с освоением корсета, вилки для рыбы и правил хорошего тона — а заодно выяснять, кто из скорбящего семейства настолько отчаянно нуждался в деньгах покойной, чтобы пойти на преступление. Настоящее прошлое, ложь, доведённая до убийства и первая в её жизни улика, найденная голыми руками без единой перчатки. Марине предстоит понять: судмедэкспертиза без единого современного прибора всё равно остаётся судмедэкспертизой, если голова на месте.

© Дмитрий, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Оглавление	6
Глава первая. Не то тело	7
Глава вторая. Зеркало не лжёт	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Смерть не по этикету

Введение

СМЕРТЬ НЕ ПО ЭТИКЕТУ

Попаданка-сьищица – книга первая

[Дмитрий Ставьев]

© 2026 [Дмитрий Ставьев]. Все права защищены.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, организации, места, события и происшествия являются либо плодом авторского воображения, либо использованы вымышленно. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, а также реальными событиями случайно.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми электронными или механическими средствами, включая системы хранения и поиска информации, без письменного разрешения автора – за исключением случаев цитирования в критических статьях и рецензиях.

«Смерть не по этикету» – первая книга серии.

Оглавление

Глава первая. Не то тело	
Глава вторая. Зеркало не лжёт	
Глава третья. Битва с корсетом	
Глава четвёртая. Оранжерея	
Глава пятая. Неудобный вопрос	
Глава шестая. Семейство в трауре	
Глава седьмая. Чаепитие как поле боя	
Глава восьмая. Ночные записи	
Глава восьмая с половиной. Дневник предшественницы	
Глава девятая. Разговор с садовником	
Глава девятая с половиной. Урок хороших манер	
Глава десятая. Флакон в саду	
Глава одиннадцатая. Аптекарь	
Глава одиннадцатая с половиной. Неожиданный союзник	
Глава двенадцатая. Разговор с доктором	
Глава тринадцатая. Отрицание Николая	
Глава четырнадцатая. Загнаны в угол	
Глава пятнадцатая. Признание под давлением	
Глава шестнадцатая. Похороны	
Глава семнадцатая. Компаньонка с секретом	
Глава восемнадцатая. Решение	
Глава девятнадцатая. Прощание с усадьбой	

Глава первая. Не то тело

Последнее, что Марина Решетова помнила из своей настоящей жизни, – это разбор третьего за смену вскрытия, чашку остывшего кофе на металлическом столе прозекторской и собственный голос, диктующий протокол уставшему интерну: «Множественные кровоподтёки, характер повреждений соответствует падению с высоты, однако...»

Однако договорить она не успела. Флуоресцентные лампы над головой мигнули разом, будто вся электросеть больницы одновременно об этом чём-то задумалась, а потом – темнота. Резкая, головокружительная, будто кто-то выключил её из мира одним щелчком выключателя, не потрудившись предупредить.

Марина ожидала очнуться на полу прозекторской, ожидала испуг интерна, склонившегося над ней с немым вопросом на лице, ожидала запах хлорки и формалина, ставший за шесть лет практики почти родным.

Вместо этого – свет. Слишком яркий, слишком жёлтый, льющийся сквозь тяжёлые бархатные шторы, каких она в жизни не видела ни в одной современной квартире, да и вообще нигде, кроме исторических костюмных драм, которые она смотрела краем глаза, засыпая после ночных смен.

Она открыла глаза, и первым, что она осознала, оказался запах – не хлорка, не формалин, а нечто густое, травяное, с примесью воска и слегка подгоревших дров, будто она проснулась внутри музейной инсталляции, воссоздающей чужой быт слишком добросовестно для простого макета.

Кровать под ней оказалась узкой, с высоким деревянным изголовьем, украшенным резьбой, а одеяло – колючим, шерстяным, пахнущим лавандовым мешочком, какие Марина видела только в бабушкином сундуке, доставшемся от прабабушки и годами пылившемся на антресолях.

Она подняла руки к лицу в первом, чисто рефлекторном жесте – и замерла.

Руки были не её.

Тоньше, бледнее, с длинными, ухоженными ногтями, каких Марина не отращивала никогда в жизни из чисто профессиональных соображений – попробуй поработай с подобным маникюром там, где приходится то и дело натягивать латексные перчатки по десять раз на смену. Кожа на костяшках пальцев была гладкой, без единого шрама, без той характерной, едва заметной сухости от постоянной дезинфекции, что Марина хорошо знала на собственных руках.

– Что за... – начала она и осеклась.

Голос, произнёсший эти слова, тоже был не её. Выше, мягче, с лёгкой, незнакомой хрипотцой со сна, будто говорила совершенно другая женщина, случайно позаимствовавшая её собственные, растерянные мысли.

Дверь скрипнула – тяжело, протяжно, тем особым звуком несмазанных петель, что Марина прежде слышала разве что в фильмах про старинные усадьбы, – и в комнату заглянула немолодая женщина в тёмном платье до пят и накрахмаленном белом чепце, лицо её выражало смесь привычного нетерпения и снисходительной строгости человека, десятилетиями командовавшего прислугой значительно менее расторопной, чем ему хотелось бы.

– Софья Дмитриевна, вы всё ещё в постели? – произнесла женщина тоном, не предвещавшим ничего хорошего ни одной из версий Марины, что пыталась сейчас осмыслить происходящее. – Барыня уже час как найдена мёртвой в оранжерее, а вы себе изволите нежиться!

Марина села так резко, что деревянное изголовье глухо стукнуло её по затылку, отозвавшись коротким, вполне реальным приступом боли, окончательно убедившим её, что происходящее – не сон и не галлюцинация от переработки.

– Мертва, – повторила она, чувствуя, как чужой, незнакомый голос произносит это слово с интонацией, вовсе ей не принадлежащей – испуганной, тонкой, совершенно лишённой той профессиональной, отточенной годами невозмутимости, с какой Марина Решетова привыкла произносить это самое слово по десять раз на дню. – Кто мертва?

– Барыня, Аграфена Львовна, – сказала женщина, всё ещё хмурясь, но теперь с ноткой откровенного удивления от подобного, явно неуместного вопроса. – Экономка нашла её ещё на рассвете, в оранжерее. Доктор говорит, сердце подвело, царствие ей небесное. – Женщина торопливо перекрестилась, коротким, привычным жестом, и добавила, уже с прежним нетерпением: – Извольте одеваться да спускаться поскорее, не ровен час, вас ждать станут.

Дверь закрылась, и Марина осталась сидеть в чужой кровати, в чужом теле, в чужой, судя по обстановке, эпохе, чувствуя, как из глубин профессиональной, отточенной годами памяти поднимается одна очень несвоевременная, очень неудобная мысль, вытеснившая собой даже панику от самого факта переноса в непонятно чьё тело.

Сердце. Ну конечно. Всегда, всегда сначала говорят «сердце».

Глава вторая. Зеркало не лжёт

Первым делом – прежде чем паниковать как следует, прежде чем разбираться, что именно произошло и куда подевалась вся её настоящая жизнь, – Марина подошла к зеркалу. Профессиональная привычка. Если тело незнакомое, нужно для начала его осмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.